

Екатерина Мордвинцева

**Дневник одной истерики, или
Как я влюбилась в зелёного**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Дневник одной истерики, или Как я влюбилась в зелёного / Екатерина Мордвинцева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 274 с.

ISBN 978-5-524-00360-7

Думаете, быть принцессой легко? Попробуйте-ка выжить после нападения наёмников, очнуться в лагере орков и закатить истерику суровому командиру с требованием вернуть туфли. Командир Гор терпел всё: мои капризы, истерики и даже собственного зверька Шнырка, который считает своим долгом подкладывать орку в сапоги кактусы. Но когда он, ворча, потащил меня на руках через горы, я поняла: кажется, я влипла. По уши. В зелёного, клыкастого и самого невыносимого орка на свете.

ISBN 978-5-524-00360-7

© Lennex Corp, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Екатерина Мордвинцева

**Дневник одной истерики, или
Как я влюбилась в зелёного**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Дневник одной истерики, или Как я влюбилась в зелёного / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 274 с.

ISBN 978-5-524-00360-7

Думаете, быть принцессой легко? Попробуйте-ка выжить после нападения наёмников, очнуться в лагере орков и закатить истерику суровому командиру с требованием вернуть туфли. Командир Гор терпел всё: мои капризы, истерики и даже собственного зверька Шнырка, который считает своим долгом подкладывать орку в сапоги кактусы. Но когда он, ворча, потащил меня на руках через горы, я поняла: кажется, я влипла. По уши. В зелёного, клыкастого и самого невыносимого орка на свете.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00360-7

© Литнет, 2026
© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Казалось бы, что может быть сложного в сборах одной отдельно взятой принцессы в соседнее королевство? Ну, лошади, ну, кареты, ну, пара дюжин платьев, чтобы не ударить в грязь лицом перед будущими подданными. Ан нет. Моя дражайшая родительница, королева Изелина, умудрялась превратить этот процесс в военную операцию, достойную саг древних героев. Только вместо драконов у нас были корсеты, а вместо мечей – шпильки для волос.

– Лирана, солнце моё, ну как ты можешь быть такой безынициативной? – матушка всплеснула руками, и я едва увернулась от летящего в мою сторону кружевного воротника, который по своей агрессивности напоминал скорее удавку. – Ты вообще понимаешь, что через три недели ты должна произвести впечатление?

– На кого? На принца Леопольда? – я закатила глаза к потолку, расписанному сценами охоты. Честно говоря, сцены охоты меня сейчас интересовали куда больше, чем перспектива знакомства с жёнихом. – Мам, ну что за имя – Леопольд? Он что, мычит?

– Лирана! – голос королевы обрёл металлические нотки. – Принц Леопольд – блестящая партия! Его королевство граничит с нашим на востоке, у них сильная армия и...

– И скучные балы, на которых все ходят по струнке, – закончила я за неё.

– Я читала сводки. У них при дворе даже кошки маршируют.

Матушка пропустила мою колкость мимо ушей. Она вообще обладала уникальной способностью слышать только то, что хотела слышать.

Например, слово «замуж» она слышала за три версты, а слово «не хочу» – никогда.

– Дорогая, – она подошла ближе и взяла меня за подбородок, поворачивая лицо к свету, – у тебя отличное приданое, хорошая ко-

жа... если не считать вон той прыщика от шоколада, который ты тайком ешь по ночам...

Я возмущённо открыла рот, но она уже неслась дальше:

– ...но этого мало! Нужно, чтобы ты понравилась! А мужчинам, знаешь ли, нравятся талии!

– Мам, у меня нормальная талия.

– Нормальная – это для простых смертных, – фыркнула королева и с видом заговорщицы вытащила из вороха тряпок нечто ужасное. – Вот! Специально заказала у лучших портных Астории. Корсет утягивающий, с китовым усом и системой двойной шнуровки. Говорят, у орков сейчас мода на тонкую талию пошла, а мы чем хуже?

Я уставилась на это орудие пытки. Корсет был бежевым, с золотым шитьём и выглядел так, будто его задачей было не талию делать, а ломать рёбра напрочь.

– Мам, какие орки? Я за человека замуж выхожу, забыла?

– Ах, Лирана, – матушка махнула рукой, – какая разница? Мужчины везде одинаковы. Им главное – чтобы талия была, а глаза чтобы блестели. Всё остальное они замечают только после свадьбы, когда уже поздно. Так что давай, примеряй!

Спорить с королевой Изелиной было всё равно что спорить с ураганом. Бессмысленно и чревато. Ураган хотя бы сдувает и улетает, а матушка могла дуть в одном направлении часами, пока не добьётся своего. Именно благодаря этой её черте мой отец до сих пор носил те ужасные камзолы с рюшами, которые она ему выбрала двадцать лет назад.

– Я сама надену, – быстро сказала я, выхватывая корсет из её рук. – В своей комнате. Без свидетелей. Чтобы, если я умру при шнуровке, никто не видел моего позора.

– Ой, драматургиня, – хмыкнула матушка, но отстала.

Я выскользнула в коридор и чуть не столкнулась с отцом. Король Теодор, мой папа, стоял, прислонившись к стене, и с ужасом смотрел на дверь, за которой только что бушевала его супруга.

– Дочка, – выдохнул он, – ты как? Жива?

– Пока да, – я помахала корсетом. – Но у неё большие планы на мою грудную клетку.

Отец поморщился, как от зубной боли. Он был добрым, слегка рассеянным, обожал возиться с розами в саду и терпеть не мог придворные интриги.

Матушка, соответственно, обожала всё это дело и с лихвой компенсировала его нелюбовь к политике.

– Лирана, нам нужно серьёзно поговорить, – он взял меня под локоть и увлёк в малую гостиную, подальше от ушей фрейлин и шпионов (которых матушка, конечно же, отрицала, но на всякий случай держала при дворе штук пять).

Мы устроились на диване. Я положила корсет на колени, как дохлую кошку, и приготовилась слушать. Отец редко говорил серьёзно, а если говорил – стоило внимать.

– Доченька, я понимаю, что этот брак – не самая романтическая история в мире, – начал он осторожно. – Леопольд... ну, скажем так, о нём ходят разные слухи.

– Какие? – насторожилась я. – Он горбатый? Шепелявый? Собирает бабочек и разговаривает с ними?

– Хуже, – вздохнул отец. – Говорят, он слишком правильный. Встаёт ровно в шесть, ложится ровно в десять, требует, чтобы суп в его присутствии ели абсолютно бесшумно, и носит с собой книжечку, куда записывает все нарушения этикета при дворе.

Я представила это. Всю оставшуюся жизнь. Суп без хлюпанья. Замечания в книжечку. И никакого шоколада по ночам, потому что это, видите ли, «неподобающе принцессе».

– Папа, это шутка?

– К сожалению, нет. Но, – он поднял палец, – это всё равно лучший вариант из возможных. Их королевство богато, армия сильна, а его мать, королева-мать, – женщина властная и умная. Она будет держать всё под контролем.

– А Леопольд?

– А Леопольд будет записывать, – развёл руками отец. – Лирана, пойми, нам нужен этот союз. С севера давят орки, с запада – непонятные твари лезут из Забытого Леса. Если мы не укрепим связи с соседями, нас просто сомнут. Ты – моя единственная дочь. Ты – разменная монета в этой игре. Прости меня за это.

Он выглядел таким несчастным, что я не выдержала и обняла его.

– Пап, ну чего ты? Я понимаю. Долг, корона, бла-бла-бла. Я справлюсь. Подумаешь, Леопольд. Буду есть суп так тихо, что он оглохнет от тишины.

Отец улыбнулся, но как-то грустно.

– Ты у меня умница. Но запомни главное: если что-то пойдёт не так, если тебе будет плохо или опасно – шли весточку. Я хоть и старый, но ещё могу навалить любому принцу, даже самому правильному.

– Ой, пап, – я чмокнула его в щёку. – Ты у меня воин ещё тот. Помню, как ты в прошлом году паука в моей спальне мечом рубил. Столько дырок в ковре сделал – до сих пор зашить не могут.

– Паук был огромный! – возмутился король. – И ковёр тот был безобразный, твоя мать его всё равно хотела выкинуть!

Мы посмеялись, и на душе стало чуточку легче.

Вернувшись в свои покои, я застала там настоящий погром. Сундуки были раскрыты, платья разложены по стульям, кровати и, кажется, даже по люстре. Моя личная фрейлина и по совместительству лучшая подруга Милли металась между ними с блокнотом и карандашом.

– Лира! – завопила она, увидев меня. – Ты где ходишь?! Мы тут с ума сходим! Твоя мать прислала список того, что обязательно нужно взять, и там пятьдесят три пункта! Пятьдесят три, Лира! А у нас всего шесть сундуков!

– Милли, успокойся, – я плюхнулась в кресло и закинула ноги на пуфик. – Возьмём самое необходимое. Платья, бельё, туфли, шоколад.

– Шоколад? – Милли округлила глаза. – Ты серьёзно? В список входит пять парадных мантий, три дорожных костюма, двенадцать дневных платьев, шесть бальных, три ночных рубашки, две шубы, четыре пары перчаток, восемь шляпок, зонтик от солнца, зонтик от дождя, зонтик...

– Милли, стоп! – я замахала руками. – Мы едем на три недели, а не на войну. Ну, ладно, формально я еду навсегда, но в дороге мне столько не нужно. Шляпки оставляем. Берём три. Зонтики – один, который от всего сразу. Мантии – одну, самую красивую. А шоколад – все запасы.

Милли вздохнула, но послушно начала вычёркивать пункты из списка. Я любила её за это умение – не спорить, когда я права, а просто делать.

– Лира, – вдруг сказала она тихо, – тебе не страшно?

Я задумалась. Страшно? Наверное, должно быть. Ехать в чужую страну, к чужому мужчине, к чужим порядкам. Но, странное дело, настоящего страха не было. Было какое-то щекочущее любопытство, смешанное с уверенностью, что я со всем справлюсь. В конце концов, я двадцать лет прожила с матерью – после такого любой двор покажется санаторием.

– Не-а, – честно ответила я. – Представляешь, нет. Наверное, я просто ещё не осознала.

– А принца представляешь? – Милли мечтательно закатила глаза. – Говорят, у него глаза голубые, как небо, и волосы золотые, как пшеница.

Я фыркнула.

– Милли, ты описания из романов цитируешь. У него, скорее всего, глаза серые, как мыши, и волосы жидкие, как моя каша по утрам, которую я отказываюсь есть. Но, – я подняла палец, – если у него есть библиотека, где я смогу читать всё, что захочу, и он не будет мешать мне есть шоколад по ночам – я готова простить ему даже золотые кудри.

– А если он окажется романтичным? – не унималась Милли.

– А если я окажусь драконом и съем его на завтрак? – парировала я. – Милли, хватит читать сказки. В жизни всё скучно. Познакомимся, поженимся, родим пару наследников, и будем жить каждый своей жизнью. Он – в своих книжечках записывать, кто как чихнул, я – в своей библиотеке. Идеально.

Милли покачала головой, но спорить не стала. Вместо этого она вытащила откуда-то из-под вороха тряпок коробку и протянула мне.

– Это тебе. Прощальный подарок.

Я открыла. Внутри лежал кинжал. Небольшой, изящный, с рукояткой, инкрустированной мелкими сапфирами, и лезвием, которое сверкало так, будто только что с точильного камня.

– Милли... – выдохнула я. – Ты с ума сошла? Зачем?

– В дороге всякое бывает, – подруга пожала плечами, но в глазах у неё плескалась тревога. – И вообще, принцесса должна уметь постоять за себя. А то вдруг твой правильный принц окажется неправильным?

– Милли, ты гений, – я обняла её, чуть не задушив. – Спрячу на дне сундука. Мать, если узнает, убьёт нас обеих. «Приличные девушки оружием не интересуются!»

– Ага, – хихикнула Милли, копируя интонации королевы. – «Приличные девушки интересуются корсетами и тем, как удачно выдать дочь замуж!»

Мы расхохотались так громко, что в дверь постучали и голос матушки осведомился, не сошли ли мы с ума и готов ли парадный портрет, который обязательно нужно взять с собой, чтобы будущий муж не забывал, как я выгляжу.

– Mam, я не собираюсь везти свой портрет! – заорала я в ответ. – Я сама себя везу, живьём!

– Живьём оно ненадёжно! – донёсся ответ. – Мало ли, по дороге подурнеешь!

Я закатила глаза так сильно, что, кажется, увидела собственный мозг.

Вечером, когда суматоха немного улеглась, я сидела на подоконнике в своей спальне и смотрела на закат. Небо полыхало оранжевым и розовым, где-то внизу суетились слуги, грузили последние сундуки. Завтра на рассвете мы выезжаем.

Странное чувство. Я никогда не покидала родного замка дальше, чем на день пути. А теперь – целое путешествие. Новая жизнь. Новый... муж.

Я попыталась представить Леопольда. Золотоволосый, скучный, с книжечкой. Он, наверное, будет читать мне нотации за неправильно подобранный бант. А я буду зевать и думать о шоколаде.

– Скукотища, – сказала я вслух пустоте.

И тут откуда-то снизу, из темноты сада, донёсся странный звук. То ли вой, то ли рык. Такой низкий, что вибрация прошла по стеклу, на котором я сидела.

Я вздрогнула и вгляделась в темноту. Ничего. Только кусты шевелятся от ветра.

– Показалось, – решила я.

Но где-то глубоко внутри шевельнулось неприятное предчувствие. Или, наоборот, предвкушение? Кто знает.

Я спрыгнула с подоконника, подошла к сундуку и нащупала на самом дне подарок Милли. Кинжал. Провела пальцем по лезвию – острое.

– На всякий случай, – прошептала я, пряча его под подушку.

Засыпая, я думала о том, что завтра начнётся новая глава моей жизни. Я представляла её скучной, правильной и предсказуемой, как таблица умножения.

Я и представить не могла, насколько сильно ошибаюсь.

Потому что судьба, как выяснится совсем скоро, терпеть не может скучных и правильных историй. И вместо золотоволосого принца с книжечкой она готовила мне встречу с тем, кто умеет только рычать, ворчать и... спасать.

Но об этом я узнаю совсем скоро.

А пока – спать. Завтра в путь. Завтра – новая жизнь.

С этими мыслями я и провалилась в сон, даже не подозревая, что моя новая жизнь уже мчится ко мне навстречу. И мчится она на огромном коне, с топором за спиной и с таким суровым лицом, что при одном взгляде на которое у правильных принцев начинается нервная икота.

Но это, как говорят в романах, уже совсем другая история.